

Глава 29. Обитель Радости

Под сенью теплых пологов тихо тлела курильница. Когда остатки легкого сна окончательно рассеялись, Хэ Бугуй почувствовал, что впервые за долгое время выспался на удивление сладко и спокойно.

Сквозь зыбкую дремоту до него донеслось звонкое, отчетливое: «Шицзунь». Этот голос совсем не походил на его собственный из далекого детства. Маленький Хэ Бугуй звал наставника иначе — то с затаенной обидой и неохотой, то с неловкой, ранимой привязанностью.

Тот же, кто будил его сейчас, звал уверенно и просто, без лишних церемоний. Словно эта неожиданная сыновняя связь и узы ученичества были для него чем-то само собой разумеющимся, к чему он подготовился заранее и со всей душой.

Раз наставник взялся за дело, к чему теперь неловкость? Тоскливая дымка воспоминаний о прошлом мгновенно растаяла, и Хэ Бугуй неторопливо открыл глаза.

Юй Уцзюэ, накинув на плечи легкое одеяние, сидел у постели без всякого почтения к приличиям — развалился как бог на душу положит. В руках у него была свернутая трубкой книга, которую он изучал на удивление сосредоточенно. Это были «Летописи минувших эпох».

Хэ Бугуй некоторое время молча наблюдал за ним. Наконец туман в голове рассеялся, и он негромко спросил:

— На какой главе остановился?

— О, Шицзунь, вы проснулись!

От тепла постели бледные щеки Хэ Бугуя слегка порозовели. Он лежал, полуприкрыв глаза, и во всем его облике уже не было прежней ледяной строгости. Кажется, наставник пребывал в благодушном настроении. Юй Уцзюэ отложил книгу и заботливо поднес ему чашку теплого чая.

— Прочел уже больше половины. Как раз добрался до места, где Цзи Сюань в ярости разит Бианя. Раньше-то мне все недосуг было из-за сборки марионеток, а теперь, пока валяюсь без дела, самое время изучить все до мельчайших подробностей.

Хэ Бугуй строго напутствовал:

— Читай внимательно.

— Знаю я, знаю, — Юй Уцзюэ картинно выпрямился и преданным взглядом уставился на наставника, ожидая, пока тот сделает глоток. — Шицзунь.

Пиала скрыла лицо Хэ Бугуя почти целиком. Он лишь лениво отозвался:

— М-м?

— Шицзунь.

— А, Шицзунь!

Хэ Бугуй недовольно вскинул брови:

— Хватит паясничать. Говори, что хотел.

"Я просто хотел лишний раз окликнуть тебя"

Юй Уцюэ весело сощурился, и его взгляд потеплел. На самом деле у него не было никаких важных вопросов. Прежде его мучило собственное происхождение, но теперь, когда тайна раскрылась перед всем миром, а бабушка поведала уцелевшие крупницы правды, на душе стало гораздо спокойнее. Человек всегда обретает почву под ногами, когда узнает, откуда он родом.

Что же касается его связи с Цзи Сюанем и Городом Бессмертия... Да какая разница? Все равно этого никто до конца не понимает. Юй Уцюэ решил не забивать себе голову лишними тревогами. С одной стороны, разгадку можно поискать на страницах «Летописей минувших эпох». С другой — зачем ему, живому, здоровому человеку, связывать себя с давно истлевшими мертвецами и призрачными руинами? Это лишь множит печали.

Хэ Бугуй, отлично выспавшийся и потому настроенный благодушно, терпеливо ждал. Но когда Юй Уцюэ так и не проронил больше ни слова, он не удержался от мягкой поддевки:

— Обычно тебя не заткнешь, трещишь с утра до ночи. А сегодня вдруг язык проглотил. Неужто робеешь перед наставником?

— Вовсе нет. Все, что можно было узнать, я уже знаю. А то, что покрыто мраком... тут уж никто не растолкует, так чего ради изводиться? Мне просто лень копаться в этом.

— Как глубокомысленно, — хмыкнул Хэ Бугуй. — О чем же тогда твои думы?

Юй Уцюэ замялся, что бывало с ним крайне редко, а затем смущенно улыбнулся:

— На самом деле меня беспокоят две вещи.

Он придвинулся ближе и оперся локтями о край постели, задумчиво вертя в пальцах уголок

одеяла:

— Мое имя... его ведь и правда дал мне Шицзунь? Но почему я не унаследовал фамилию дедушки с бабушкой? И почему не взял вашу? Откуда взялась эта фамилия — Юй?

— А если бы я назвал тебя Гуань Эрью? Тебе бы понравилось?

Юй Уцюэ недовольно надулся:

— Конечно нет.

— Тогда как насчет Хэй Течжу — Железного Столба?

На лице юноши отразилось крайнее отвращение:

— Какая гадость.

— К тому же ты мне не сын, с какой стати тебе носить мое имя? — резонно возразил Хэ Бугуй.
— Поэтому я выбрал иероглиф, связанный с Цзи Сюанем, и сделал его твоей фамилией.

Заметив недоумение на лице ученика, Хэ Бугуй укоризненно покачал головой:

— Ты точно читал невнимательно.

— Да я просто еще не закончил! — поспешил оправдаться Юй Уцюэ.

— Цзи Сюань когда-то создал свою любимую марионетку и нарёк ее простым именем Юй, что значит «Яшма», — Хэ Бугуй протянул руку и едва заметно коснулся лба ученика. — Когда я впервые подобрал тебя, твоё тело покрывали странные родимые пятна. Чтобы уберечь тебя от чужих глаз и сохранить тайну твоего рождения, мой старший брат наложил на них скрывающее заклятие. Сейчас я покажу тебе их. Ступай к зеркалу.

Юй Уцюэ послушно подошел к начищенному до блеска медному зеркалу. Прямо между его бровей медленно проступило алое клеймо — два искусно переплетенных дракона, пламенеющих первозданной кровью. Он уже встречал этот символ в летописях: личный знак, который великий мастер Цзи Сюань оставлял на своих творениях. Теперь стало ясно, почему наставник выбрал фамилию Юй.

Но ведь подобные метки вырезались лишь на бездушном дереве или металле. Если это работа рук самого Цзи Сюаня, то как клеймо оказалось на живой плоти? Юй Уцюэ понимал, что даже его наставник едва ли знает разгадку. Должно быть, фамилия Юй была лишь намеком на его

загадочное происхождение. А может, наставник надеялся, что, разделив имя с величайшим творением древнего мастера, мальчик унаследует его судьбу и непревзойденный талант.

Алая метка меж бровей придавала его лицу неуловимо порочное, завораживающее очарование. И без того редкая, утонченная красота Юй Уцюэ теперь вспыхнула новыми, таинственными красками, заставляя затаить дыхание при одном взгляде на него.

Самому юноше новшество чрезвычайно понравилось. Он застыл перед зеркалом, любуясь собой с самодовольной миной чистокровного павлина, готового вот-вот распустить хвост.

— Сними рубаху и взгляни еще раз, — скомандовал Хэ Бугуй.

«Павлин» послушно сбросил верхнее одеяние на пол. Его спина оказалась покрыта сетью страшных, бугристых рубцов. Хотя раны постепенно затягивались, при виде этого зрелища сердце Хэ Бугуя болезненно сжалось.

Юй Уцюэ и сам впервые видел эти тайны, скрытые под собственной кожей. Оказалось, загадочные алые письмена покрывали не только лоб — подобные знаки были высечены на каждом крупном суставе и во всех уязвимых точках тела.

Хэ Бугуй едва заметно шевельнул запястьем, активируя скрытый рисунок печати. Знаки вспыхнули ярче, явив сложную, выверенную до мельчайших деталей сеть заклинаний. Все они сходились в единый контур, призванный оберегать то, что покоилось в глубине его живота.

Юноша растерянно замер, озадаченно ощупывая то одно плечо, то другое, тщетно пытаясь разгадать значение узоров.

— Одевайся и садись ближе, — позвал Хэ Бугуй.

Кунчжи бесшумно внес мягкие подушки, растопил жаровню и оставил у постели грелку для рук. Вскоре в комнате воцарился уютный полумрак. Наставник полулежал среди подушек, а ученик устроился рядом, готовый к долгому и честному разговору.

— Юй Уцюэ, в твоём теле сокрыт ключ от Города Вечности.

— Ключ?! — вытаращил глаза Юй Уцюэ, испуганно прижимая ладони к животу. — Прямо здесь?! Но кто его туда засунул?

— Ты родился с ним. В детстве печать спала, но теперь древний круг пробудился и защищает твоё золотое ядро.

Смысл этих слов был предельно прост: золотое ядро, которое он взрастил собственным трудом,

и являлось тем самым ключом к запечатанным вратам. Судьба настигла его из прошлых воплощений, сотворив это чудо еще до его появления на свет.

Хэ Бугуй говорил об этом так непринужденно и обыденно, словно речь шла о крошечной родинке, а не о великом артефакте древности. Его спокойствие мгновенно передалось ученику, разогнав первые клубы паники.

— Я скажу это лишь раз, — все так же ровно продолжал Хэ Бугуй. — И мне неважно, ключ там заперт или что-то еще. Раз оно принадлежит тебе — храни его и никому не отдавай. Тренируйся не щадя сил. Стань настолько сильным, чтобы никто даже помыслить не смел забрать твое сокровище. Только так ты сможешь сберечь себя.

— Защитить себя — значит защитить весь мир. Если ты дашь слабину и позволишь чужой алчности восторжествовать, за твою лень заплатят миллионы невинных жизней. И ты сам — в первую очередь. Понимаешь?

"За что мне все это?" — уныло подумал Юй Уцюэ.

Другие бездельники вредят лишь себе, проживая серые, ничем не примечательные жизни. Но если он, Юй Уцюэ, позволит себе лениться и лишится ключа, то станет проклятием для всей Поднебесной. Чтобы просто выжить, ему придется выкарабкаться на самую вершину. Иначе толпа снаружи, прикрываясь спасением мира от скверны, сотрет его в порошок, а у него даже не найдется сил возразить.

— Мне плевать, если ты решишь гонять кур по деревням или спалить пару лесов, — строго осадил его Хэ Бугуй. — Но помни о цене. Если ты допустишь оплошность и выдашь тайну, мне даже не придется карать тебя — другие разорвут тебя на части.

Слегка присмирив от такой суровой отповеди, Юй Уцюэ послушно закивал:

— Понимаю, Шицзунь. Ваш ученик не посмеет забыть эти наставления.

Он робко потянул Хэ Бугуя за край просторного рукава и заискивающе добавил:

— Но вы ведь все равно присмотрите за мной, правда? Обещаю быть послушным.

Это было единственное, в чем Хэ Бугуй твердо намеревался признаться своему новому ученику. Закончив с главным, он замолчал, но теплая, доверительная атмосфера зимнего вечера располагала к продолжению беседы.

— Ты упоминал, что тебя беспокоят две вещи, — негромко спросил он. — О чем же вторая?

— М-м... — Юй Уцюэ замялся, сомневаясь, стоит ли ворошить прошлое. — Она касается вас, Шицзунь. Могу я спросить?

Хэ Бугуй уклончиво хмыкнул:

— Смотря какое у меня будет настроение.

— В предисловии книги упоминается некий Хэ Нань. Он пишет, что его предки повстречали Цзи Сюаня на горе Цзиван и сочли его человеком исключительного благородства, которому можно доверить судьбу мира. И хотя потомки судили мастера марионеток строго, автор сохранил беспристрастность. Еще этот Хэ Нань поведал предание об обитающем на горе Цзиван клане бессмертных журавлей... Шицзунь, ведь ваша фамилия — тоже Хэ...

— Хэ Нань — мой второй старший брат, — простодушно отозвался Хэ Бугуй.

— Ох! — выдохнул Юй Уцюэ и развил мысль: — Но он пишет, что в семье было четверо детей, а их отец, Король журавлей, поленился придумывать изысканные имена и назвал сыновей и дочерей сторонами света: Восток, Юг, Запад и Север. Почему же вас зовут Бугуй — «Невозвращенный»?

— Мое настоящее имя — Хэ Си, «Западный Журавль». Имя Бугуй мне подарил мой наставник.

Когда Старейшина Сюаньцзи впервые услышал имя мальчика, он пришел в ужас. «Хэ Си» звучало слишком созвучно с выражением «отправиться на журавле на запад», что в народе означало отойти в мир иной. Как великий Король журавлей мог так сгруппить и дать сыну столь зловещее имя? Сюаньцзи твердо решил: имя нужно менять! Пусть у маленького ученика была непростая судьба и слабое здоровье, в обители наставника его ждала совсем другая, долгая и вольная жизнь.

Тогда старейшина вспомнил древние строки:

«Занесен снегом тихий лес, не видать следов,

В безлюдном покое рождается чистая радость,

И, свободный от суеты, я не спешу обратно...»

Так имя «Хэ Си» превратилось в «Хэ Бугуй» — Невозвратимый. Учитель надеялся, что мальчик обретет душевный покой вопреки вселенскому одиночеству, сохранит отвагу идти сквозь бури навстречу шумному миру и пребудет в ладу с собой, где бы ни оказался и кто бы ни встретился ему на пути.

Юй Уцюэ заворуженно слушал, находя этот жест наставника необычайно красивым. Тот факт, что Хэ Бугуй делился с ним столь личным, трогал до глубины души. Расспрашивать о причинах его слабости и болезни теперь казалось верхом бестактности.

Клан журавлей с горы Цзиван давно покинул бренный мир. Хэ Бугуй должен был вознестись в небесные чертоги вместе со своими сородичами, но остался один среди смертных. На то наверняка были веские, непреодолимые причины, напрямую связанные с его хрупким, израненным телом.

"Покойный великий мастер желал Шицзуню воли и покоя," — твердо решил про себя Юй Уцюэ. — "Значит, я, его единственный ученик, сберегу эту свободу. Я стану сильнее всех. Защищу себя и защищу своего наставника".

— Великий предок вложил свою любовь в ваше имя, Шицзунь. Точно так же, как вы наделили именем меня.

"Без тревог и печалей на веки вечные"

Юй Уцюэ серьезно кивнул:

— Теперь я все понимаю!

Рабское клеймо «чернорабочего» исчезло с его плеч навсегда. На его месте теперь сияла гордая печать личного ученика Бессмертного Тайвэя. Юй Уцюэ получил право свободно входить в любые покои Парящего дворца. И пускай его долг перед наставником по-прежнему исчислялся астрономическими суммами, теперь он мог брать из хранилищ любые редкие материалы без всякого спроса. Счета подождут. Стоит ему закончить обучение, и он мигом разбогатеет, продавая свои лучшие марионетки в Галерее Тысячи Журавлей.

Между Садам Летнего Дожда и Главным залом вырос изящный двухэтажный терем, окруженный небольшим прудом с кувшинками, у которого было так приятно отдыхать в полуденную жару. Здание предназначалось для занятий. Кунчжи милостиво разрешил новоиспеченному ученику самому выбрать название для новой обители знаний. Тот размышлял недолго и нарёк ее Обителью Радости.

Близкий слуга едва не лишился чувств от такого кощунства:

— Молодой господин Юй, вы ведь столько лет читали классические трактаты! Как у вас повернулся язык дать этому священному месту столь плебейское имя?!

— Ничего ты не смыслишь, — самодовольно покачал головой юноша. — Если уж великий поэт

писал о том, что «в безлюдном покое рождается радость», то и место для учения должно приносить только счастье. Назовем его Обителью Радости. Все равно кроме нас с Шицзунем здесь никого не будет!

Спустя три дня из Обители Радости впервые раздался звонкий, старательный голос, читающий вслух стихи. Направляясь на звук, Хэ Бугуй остановился перед входом и поднял голову. Едва заведя кривоватые иероглифы на новенькой деревянной вывеске, он понимающе улыбнулся.

Прошло еще несколько дней. Силы окончательно вернулись к Юй Уцюэ, раны затянулись, и он впервые после трагических событий решился спуститься к подножию горы.

Прежние товарищи по учебе тут же окружили его толпой. Одни бурно завидовали его невероятной удаче — шутка ли, стать личным преемником великого Бессмертного Тайвэя! Рассыпались в поздравлениях и желали скорейшего восхождения к вершинам мастерства. Другие, напротив, жались по углам и бросали на него настороженные взгляды, опасаясь подходить близко, словно от него разило тлетворным духом проклятого Города Бессмертия.

Юй Уцюэ не стал тратить время на пустую болтовню. Схватив за рукав Юэ Тинфана, он поспешил навестить младшую сестренку Цзи Сюэвэй.

Главной целью его спуска было вручить Цзи Сюэвэй новые протезы. Утрату ног уже невозможно было исправить, и, пока Юй Уцюэ зализывал собственные раны, он много думал об этом. Девочка наверняка убита горем, но она еще совсем молода. Рано или поздно слезы иссякнут, и ей придется как-то жить дальше. Юй Уцюэ признавал, что совершенно не смыслил в девичьих чувствах и не умеет подбирать утешительные слова. Зато он умел решать осязаемые проблемы. Своими руками он создал чудо инженерной мысли — искусственные ноги, на которых можно было не только ходить, но и парить в воздухе. Они были прочнее любой стали и после тщательной подгонки идеально сели на искалеченные суставы. Никакой боли, никакого дискомфорта — если надеть обувь и длинную юбку, никто бы и не заподозрил неладное.

Увидев, какими хмурыми и подавленными пришли ее названные братья, Цзи Сюэвэй сама попыталась их развеселить:

— Брат Тинфан, Второй брат Цюэ, ну чего вы носы повесили? Случившееся — не ваша вина. Главное, что мы все трое живы и по-прежнему можем учиться вместе. Разве это не счастье?

Юй Уцюэ приобнял друга за плечи и тихо спросил:

— Все еще злишься на меня?

— Нет, — Юэ Тинфан несильно ткнул его кулаком в бок и горько усмехнулся. — Послушаем сестренку. Будем держаться вместе, и клянусь, я костями лягу, но больше не допущу подобной беды!

Девочка оказалась куда сильнее, чем предполагал Юй Уцюэ. Обрушившееся на нее несчастье в один миг стерло детскую наивность, сделав ее не по годам мудрой и собранной.

А вот Лин Сяо и Лин Лань полностью закрылись от мира. Брат остался в Долине Сотни Цветов, а сестра заперлась в Зале Сокровенного Знака. Поговаривали, что они оба не находят себе места от горя, особенно Лин Лань. Юй Уцюэ искренне хотел поддержать их, но его не пустили на порог, да и нужных слов утешения у него все равно бы не нашлось. Пришлось оставить эту затею.

Пока их опекали Старейшина Кайян и Истинный человек Юнлэ, за их жизни можно было не опасаться. Однако мир за пределами школы стремительно менялся. Всем было очевидно, что былая слава секты Юйлин окончательно канула в лету. Юным брату и сестре предстояло столкнуться с волной презрения и злых сплетен, одновременно пытаясь удержать от краха то, что осталось от их великого дома. Это было непосильной ношей для двоих сирот.

К счастью, вмешался сам Глава дворца Бай. Он твердо заявил: пока стоит Дворец Небесного Предела, секта Юйлин не прекратит своего существования. Раз прежний глава оказался предателем — выберут нового. Лин Сяо и Лин Лань были прямыми учениками, неужто они не смогут поднять родную обитель с колен? Под надежной защитой самого Бай Инчи никто в Поднебесной не посмел бы обидеть этих невинных детей.

Месяц пролетел незаметно. На Дворец Небесного Предела обрушился первый настоящий снегопад. Сугробы выросли по колено, и каждый шаг давался с трудом, увлекая путников в глубокую, хрустящую белизну. В морозном воздухе раздавался лишь бесконечный шорох падающих хлопьев.

Еще на рассвете у главных ворот выросла запряженная тройкой богатая карета. Юй Уцюэ, кутаясь от пронизывающего ветра, ждал наставника уже очень давно. Из сонной лесной тишины наконец донеслись мягкие шаги по свежему насту. Мальчик аккуратно воткнул две еловые ветки вместо рук только что законченному снеговiku, шумно отряхнул ладони и выпрямился во весь рост.

— Шицзунь! Я уже жаждался вас!

Юноша стоял посреди бушующей метели, его лицо светилось такой искренней, обезоруживающей улыбкой, что весь зимний холод отступал прочь. Он весело замахал рукой идущему по тропе человеку.

Хэ Бугуй приблизился и невольно замер. Перед ним высился упитанный снежный истукан. Его деревянные «руки» застыли в карикатурном жесте, словно выпроваживая незваного гостя взашей с горы, а на пухлом брюхе красовалась размашистая надпись из угольков: «Скатертью дорога».

Хэ Бугуй:

—...

Юй Уцюэ ловко перехватил зонт из рук Кунчжи, раскрывая его над головой наставника, и галантно протянул ладонь:

— Прошу в экипаж, Шицзунь. Позвольте помочь вам подняться.

Наставник лишь обреченно покачал головой и взошел на подножку. Расположившись на мягком сиденье, он строго спросил:

— Отчего у тебя такой сияющий вид? Неужели думаешь, мы отправляемся на увеселительную прогулку?

— А как иначе? Не кривить же мне унылую мину, наводя на вас тоску, — Юй Уцюэ бережно принял из его рук тяжелый дорожный плащ и повесил на крючок. — Вот, держите грелку, согрейте пальцы. А я пока устроюсь на козлах. Поехали!

Стоило юноше повернуться к выходу, как Хэ Бугуй молниеносно ухватил его за пояс и бесцеремонно дернул обратно:

— А ну стоять. Твое дело — учить уроки. Зачем на козлах кучер, по-твоему?

Поняв, что уловка провалилась, Юй Уцюэ заныл:

— Неужели даже в дороге придется зубрить? Шицзунь... путь неблизкий, мы и так устанем. Отдохните немного.

— Я не устал, — отрезал Хэ Бугуй.

"Зато я уже без сил..." — мысленно вздохнул ученик.

Хэ Бугуй проигнорировал его кислую мину и многозначительно взглянул на Кунчжи. Верный слуга-марионетка тут же выскочил наружу и убрал приставную лесенку. Кони призывно заржали, и тяжелые колеса экипажа со скрипом покатались по девственному снегу, оставляя за собой глубокую колею.

— «Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус...» — послушно забубнил Юй Уцюэ.

— «Бешеная скачка... скачка... ай-ай-ай, больно же! Вспомнил, вспомнил! Бешеная скачка и охота безумят сердце человека. Редкие сокровища толкают его на преступление...»

— «Потому мудрец утоляет голод, а не услаждает взор, отказываясь от одного в пользу другого...»

Одинокий экипаж катился сквозь заснеженное безмолвие спящих гор. Ровный, монотонный бубнеж заученных текстов то и дело прерывался испуганными вскриками и притворным воем получающего нагоняи ученика. Эти звуки живым эхом разносились среди молчаливых сосен.

Древняя мудрость гласит: «Учитель на один день — отец на всю жизнь». Но столь карикатурная сцена семейного раздора, разыгрываемая в карете, Хэ Бугуя ничуть не удивляла. Именно этого он и ожидал от своего непутевого воспитанника.

— Шицзунь, я все закончил!

— Вот тебе следующий свиток.

— Да пощадите! Нет у меня больше сил... Ой-ой-ой! Хорошо, я выучу, все выучу! Только уберите линейку! Больно же!

"Но кое-что все же пошло не так, как я думал" — тихо улыбнулся про себя Хэ Бугуй.

Обреченный вечно блуждать среди холодных бурь человеческого мира, он внезапно обрел шумного, не знающего уныния спутника. И именно этот взбалмошный мальчишка сумел пробить глухую стену его многолетнего одиночества, впуслав в стылый внутренний покой яркий, согревающий свет.

<http://bllate.org/book/20165/2208545>